

Посвящается Рори

*Ты был милым малышом и добрым ребенком,
и я знаю, что ты вырастешь
самым замечательным мужчиной.*

ОБНАРУЖЕНИЕ

Эйден не смотрит фильм.

Когда я понимаю, что он даже не пытается делать вид, что смотрит, по коже разливается тепло.

— Знаешь, ты же сам это выбрал, — я указываю пальцем на свой ноутбук. — Ты же сам говорил: «Не могу поверить, что ты прожила в Нью-Джерси уже почти год и до сих пор так и не посмотрела «Garden State»?¹

Едва я успеваю произнести эти слова, пальцы Эйдена касаются моего подбородка, и он наклоняется, чтобы поцеловать меня. Это приятный поцелуй — такой, от которого покалывает кожу и весь мир растворяется, пока на планете не останемся лишь мы двое. Свободной рукой Эйден обнимает меня за талию, притягивает к себе, и я негромко выдыхаю. Я могла бы отдаться ему полностью — если бы позволила себе.

Мысль об этом внезапно заставляет меня вернуться в реальность, и я выбираюсь из объятий Эйдена — а потом мы снова неловко усаживаемся рядом

---

¹ «Страна Садов» — фильм, вышедший в 2004 году, где режиссером, сценаристом и исполнителем главной роли выступил Зак Брафф, известный по сериалу «Клиника».

в кресле для чтения, рассчитанном только на одного человека. Это кресло, моя кровать, стол и тумбочка из секонд-хенда — больше мебели в комнате не было, — если не считать коробок, которые я так и не удосужилась распаковать.

Эйден отпускает меня, не возражая, — быть может, даже чересчур легко, — и лишь поднимает бровь.

— Ты маму услышала или что?

Покачив головой, я перебираюсь на мягкий подлокотник, устраиваясь так, чтобы мы не прижались друг к другу.

— Она ушла в лучшем случае час назад. Даже для нее это было бы рекордно короткое первое свидание.

Но все-таки мне хочется выглянуть в окно, и он это понимает.

Эйден крутит в руках нитку, которая болтается на протертой коленке моих джинсов. Непринужденность, с которой он касается меня, отчетливо выдает: он мой парень. Я невольно вздрагиваю, и это заставляет меня чуть отодвинуть ногу.

— Разве будет так ужасно, если она узнает обо мне? — говорит он. — Ну то есть технически же мы уже встречались.

Он бросает взгляд на походные ботинки, стоящие рядом с моим шкафом, — он продал их нам с мамой четыре месяца назад, перед тем как мы летом отправились в национальный парк Смоки-Маунтинс¹. Я

---

¹ Самый знаменитый и самый посещаемый национальный парк США с самой длинной пешеходной тропой в мире.

бы предпочла поехать в Диснейленд, но в толпе мама сходит с ума от паники, так что она неожиданно подарила мне поездку в Смоки-Маунтинс и недельный поход по безлюдным местам, который, как я теперь признаю, оказался в каком-то смысле чудесным. Как и симпатичный продавец в магазине спорттоваров REI¹, небрежно сунувший мне свой номер телефона, пока мама изучала походные горелки.

Я прикусываю губу, пытаюсь придумать, как сказать, что да, если мама узнает о нем, это будет ужасно, но при этом не произносить слово «да». Останавливаюсь на таком варианте:

— Дело не в тебе.

В ответ Эйден медленно кивает:

— Верно.

— Вообще нет, — я тянусь к руке, которую он отдернул. — Дело даже не в ней. Дело во мне.

Он безрадостно улыбается мне.

— Стыдишься меня, да? Нет, я понимаю. Парни, которые работают волонтерами в приютах для животных, обычно редкостные козлы.

— Нет, — я позволяю себе изогнуть губы в улыбке. — Но иногда от них несет кошачьей мочой.

Эйден внезапно раздражается взрывом искреннего смеха.

— Серьезно? Я постараюсь получше за этим следить.

---

¹ REI — американская корпорация, оказывающая услуги в сфере розничной торговли и отдыха на природе. Продает спортивные товары, туристическое снаряжение и одежду.

Я наклоняюсь вперед, чтобы легонько поцеловать его в щеку, и чувствую легкий аромат чего-то свежего и лесного — и уж точно не кошачьей мочи. Я начинаю вставать, и Эйден тянет меня назад.

— А в чем тогда дело? — его голос нежен, как его прикосновения. — Ведь я все жду, что однажды ты просто начнешь игнорировать меня, и я готов признать — это будет очень отстойно. — Его ладонь скользит по моей. — Кэйтилин, ты мне нравишься. Ничего страшного, если ты нравишься мне больше, чем я тебе, но скажи мне, что я не впустую трачу здесь время.

Теперь в Эйдене не осталось ни грамма юмора, который с самого начала очаровал меня. Мы всегда общались легко и весело. А сейчас он выглядит так, словно слова, которые я сейчас произнесу, могут вознести его до небес или раздавить.

И то, что я скажу, его раздавит. Это неизбежно случится — пусть и не специально, пусть даже это причинит боль и мне. Дело вовсе не в том, что Эйден плохой человек, — думаю, тот факт, что он оказался в моей комнате, несмотря на все мамины запреты, говорит сам за себя. Как и тот факт, что он не стал возмущаться и лишь отпустил милую шутку про Рапунцель, когда я сказала, что ему придется залезть по водосточной трубе и тайком пробраться в мою спальню, если он хочет меня увидеть. Я не могла рисковать, позволив ему войти через парадную дверь, как нормальный человек. (От мамы вполне можно было ожидать, что она оставит на двери какую-нибудь незаметную метку,

проверяя, не заходил ли ко мне кто-нибудь, пока ее нет.)

Пожалуй, мне стоит подробнее рассказать про маму.

Она замечательная и веселая — но почти все время ее сводят с ума ужасные мысли о том, что со мной случится что-нибудь жуткое. Думаю, это связано с тем, в какой обстановке она выросла. Она не слишком распространялась о своем прошлом. Но я все же знаю, что, когда ей было три года, мать оставила ее у порога трейлера, где жил ее ничего не подозревающий отец. Мать она больше никогда не видела, а родительские навыки отца сводились в основном к тому, что он обычно не забывал ее кормить. Он умер незадолго до моего рождения, так что я никогда не встречалась с ним. Однако, учитывая, что моя мама росла почти без присмотра родителей, в ее отношениях со мной маятник до предела качнулся в другую сторону.

Еще несколько лет назад мне разрешалось пользоваться компьютером только для учебы — а училась я дома. И я думаю, что главной причиной, по которой мама в итоге сдалась и разрешила мне ходить в обычную школу, стали не мои мольбы, а ее страх перед алгеброй. Впрочем, честно говоря, моя голодовка, наверное, тоже повлияла.

Немного больше времени мне понадобилось, чтобы добиться разрешения пользоваться мобильным телефоном — этого я достигла, распечатав в школе подборку новостей о детях, которых похитили и которые спаслись, позвав на помощь с помощью мо-

бильника. Были ли среди этих историй те, которые я написала сама, используя готовые шаблоны поддельных газет, скачанные в сети? Возможно. Но иногда маму нужно подтолкнуть, чтобы она обуздала свой суперпараноидальный образ мыслей, который определял ее отношение ко мне — и заставлял всегда держать меня в пузыре.

Я узнала, что лучший способ получить то, что я хочу, — либо убедить ее, что мне будет угрожать бóльшая опасность, если она не прислушается к моим предложениям (например, по поводу обычной школы или мобильного телефона), либо просто утаить от нее несколько безобидных деталей (например, в случае с Эйденем).

Мне кажется, что она часто понимает, что я кое-где срезаю углы, не до конца соблюдая ее правила. Но мне нравится думать, что она хоть чуть-чуть гордится мной, когда я догадываюсь, как обойти одно из них. При этом я не настолько глупа, чтобы хвастаться ей знакомством с Эйденем. Поэтому я буквально спихиваю его с кресла, услышав, как внизу открывается входная дверь.

Она побила свой рекорд. Еще даже нет девяти.

— Кэйтилин?

— У себя! — отвечаю я, тут же вскакиваю и толкаю Эйдена к окну.

— И это весь ответ? — В его голосе звучит насмешка, и я обращаю на нее внимание только потому, что у него хватает ума говорить шепотом.

— Знаешь, что случилось с предыдущим парнем, которого мама застала в моей комнате?

— Его пригласили на ужин?

— Ему залили лицо перцовкой.

И все из-за того, что он пытался украсить мою комнату, чтобы пригласить меня на танец. Бедняга. И я тоже бедняга — в итоге все кончилось тем, что мы с мамой переехали сразу же после этого. Мама утверждала, что эти два события не связаны, но я на этот счет сомневалась.

Она называет это жаждой странствий, но я не знаю точно, что это. Какое-то время она может чувствовать себя совершенно нормально, но однажды я прихожу домой из школы и узнаю, что она уволилась с работы и уже распихала по коробкам половину наших вещей — а неупакованное сложила в моей комнате. В дом на две квартиры, где мы жили сейчас, мы въехали примерно год назад, и я надеялась задержаться здесь по меньшей мере до окончания школы. Но для этого нужно было заставить маму обзавестись в Бриджтоне какими-то связями, чтобы ей не захотелось уезжать отсюда в следующий раз, когда ее одолеет жажда странствий.

Моим самым большим достижением в прошлом году было то, что я убедила ее начать ходить на свидания — она не делала этого с тех пор, как умер папа, несмотря на то что приглашали ее часто. Она родила меня, когда ей было всего девятнадцать, так что она была еще молода и выглядела превосходно — благодаря в том числе и тому факту, что мы вместе выходили на пробежку каждое утро. У нее были потрясающие зеленые глаза и густые темно-рыжие волосы, ниспадавшие до середины спины. У меня глаза и во-

лосы были такие же, как у нее, — но выглядели они далеко не так впечатляюще. Главное отличие между нами в том, что у нее кожа светлая и загар к ней не пристает, а у меня — скорее оливковая. Подарок от мужчины, которого я едва помню.

Судя по тому, как она принимается плакать в тех редких случаях, когда мне все-таки удастся вывести ее на разговор об отце, я не ожидаю, что она безумно влюбится в кого-то из тех, с кем ходит на свидания, но немного флирта и веселья пойдет ей на пользу. Меня устроит любая причина, которая заставит ее оставаться на одном месте достаточно долго, чтобы оно начало казаться мне домом.

Если она обнаружит Эйдена в моей комнате, грузовик фирмы, организующей переезды, будет стоять у нас во дворе еще до того, как он успеет выбраться из окна.

Я толкаю его еще раз.

— Тебе надо идти.

— Приходи завтра.

— Я... — собираюсь было возразить, потому что понятия не имею, как мне ускользнуть от мамы, но его, кажется, абсолютно устраивает перспектива быть пойманным — и он даже с нетерпением ожидает этого момента. — Ладно.

— Обещаешь?

Я стискиваю зубы почти до скрипа, но осознаю, что он по-прежнему ждет моего ответа на вопрос о том, не впускую ли он тратит со мной время. Я знаю, что хочу ему ответить, но слышу на лестнице мамины шаги и поэтому толкаю его еще раз.

— Обещаю.

Забравшись в окно, он тут же засовывается обратно и, как только я собираюсь отвернуться, целует меня еще раз.

— Иди уже, — шиплю я, заставляя себя не улыбаться. Я позволяю себе выдохнуть, только когда он скрывается по ту сторону рамы, так что я могу закрыть окно и крепко задернуть шторы.

К тому моменту, как мама входит в комнату, я уже сижу за столом, открыв ноутбук — на экране разрешенный сайт, полезный для учебы, — а рядом лежит учебник истории.

— О, привет, секунду, — говорю я, поворачиваю голову, но не отрываю взгляда от страницы, потому что собираюсь изобразить прилежную ученицу. Я буду максимально убедительной. Наконец я торжествующе вздыхаю, будто закончила главу, которую долго читала, и поворачиваюсь лицом к маме, поставив руки на спинку стула и подперев ладонями подбородок.

— Что, новый папа ждет внизу?

В ответ на это мама вздрагивает:

— Молю бога, чтобы он никогда не вздумал оставить потомство. — Затем она хмурится, глядя на меня. — Дорогая, ты в порядке? Ты вся покраснелась. — Она протягивает руку к моему лицу, чтобы откинуть волосы в сторону и посмотреть поближе. Я отшатываюсь, пытаюсь выглядеть не слишком виноватой. Мое лицо обжигают тревога и смущение. Я отсаживаюсь подальше от нее, с непринужденным видом перебравшись на середину кровати.